

Бухаров А. С.

**Концепции
деятельности
в социологии
К. Маркса и М. Вебера**

Бухаров А. С.

**Концепции деятельности
в социологии К.
Маркса и М. Вебера**

«Издательские решения»

Бухаров А. С.

Концепции деятельности в социологии К. Маркса и М. Вебера /
Бухаров А. С. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531887-9

В книге анализируются концепции человеческой деятельности, содержащиеся в классических трудах по общей социологии второй половины XIX — начала XX вв., с точки зрения их теоретического и методологического значения для построения общей теории социокультурных процессов. Работа имеет целью привлечь внимание социологов, историков и философов к ряду до сих пор не получивших необходимого освещения идей и результатов, изложенных в исследованиях К. Маркса и М. Вебера.

ISBN 978-5-00-531887-9

© Бухаров А. С.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
1. Феномен деятельности в историко-социологической теории марксизма	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Концепции деятельности в социологии К. Маркса и М. Вебера

Бухаров А. С.

Исправленное переиздание первой публикации 2002 года

© Бухаров А. С., 2021

ISBN 978-5-0053-1887-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Рубеж веков традиционно становится символической вехой и поводом для подведения итогов эволюции теоретического сознания. Одним из основных, и наиболее сложных, предметов теоретической рефлексии всегда была и остается проблематика *социокультурных процессов*. Обязывающая символика смены тысячелетий еще раз, на исходе века XX, побудила занятых в этой обширной сфере исследователей попытаться сформулировать наиболее существенные результаты ее теоретического осмысления. Сложившаяся в ходе этих обсуждений общая оценка положения в области социальных наук оказалась в целом малоутешительной и глубоко самокритичной. Состоявшиеся дискуссии, нашедшие отражение в целой серии публикаций, характеризовали процессы, протекающие в общественной науке вообще, и в области теоретической социологии в частности, как кризисные. В рамках множества тем, подвергнутых рассмотрению в этой связи, выделился ряд проблем, имеющих ключевое значение для дальнейшего развития социокультурных исследований. Центральная из них, сформулированная в различных контекстах, с различных точек зрения и с различной степенью определенности, заключается, говоря словами одного из участников состоявшихся обсуждений, в конечном счете, не в том, что мы знаем недостаточно, а в том, что мы не знаем как адекватно истолковать то, что мы знаем. Констатируется продолжающийся раскол теоретического сознания, неспособность, или принципиальное нежелание различных направлений, представленных в социальных и гуманитарных науках, найти методологически продуктивные точки соприкосновения и теоретические ориентиры, которые могли бы позволить выйти из круга во многом исчерпанных сегодня общих парадигм познания человека, общества, культуры и истории. Постоянное воспроизведение обретений и тупиков интеллектуального поиска предшественников посредством изолированного и, по преимуществу, не более, чем вербального, переформулирования традиционных идейных схем, периодически создававшее ранее впечатление их конструктивного преодоления и теоретической новизны, также, достигнув стадии постмодернизма, обнаружило пределы своих интерпретативных возможностей. Вновь, в который уже раз в истории общественно-теоретической мысли, ставятся под вопрос сами исходные основания социальных, гуманитарных и историко-культурных научных исследований – собственно реальность и законосообразность изучаемых ими явлений и процессов, возможность адекватного постижения и общезначимого выражения их генезиса и изменения, оснований и порядка регулярности их взаимной связи, возникновения и трансформации их индивидуального своеобразия.

Исследование истоков современного состояния социальных наук, в том числе того, почему и каким образом развитие социологической мысли XX века пошло по пути многократного и, как выясняется, *теоретически* в конечном итоге малопродуктивного тематического расслоения и рассеяния, могло бы стать одной из центральных тем социологии знания. Очевидно, что эта тенденция является одновременно и проявлением, и, отчасти, одной из причин отсутствия общезначимых решений ключевых для социального знания, и общих для всех его ответвлений, основополагающих проблем, обнаруженных и во многом сформулированных уже на начальных стадиях генезиса общей социологии. Вместе с тем, не вызывает сомнения и то, что лежащая в основе этих идейных процессов, в том числе и направления, получившего общее наименование постмодернистского, критическая саморефлексия социальных наук, обращенная к анализу их собственных концептуальных оснований, логики и языка, представляет собой периодически возникающее и, в основе своей, здоровое явление. Процесс ревизии, методологического углубления и теоретической реконструкции утвердившихся в определенных сакрализованных рамках и небесконечных в своих возможностях исследовательских образцов необходим и не может быть остановлен. Целый ряд предпринимавшихся ранее попыток подобного рода обернулся выдвиганием плодотворных гипотез, дальнейшей разработкой

логики и специфических методов исследования социокультурной реальности. Однако этот же опыт продемонстрировал и то, что кризис традиционных концептуальных подходов выливается в построение парадигмы научного знания нового уровня лишь тогда, когда выходит за пределы начальной, необходимо несущей в себе некий деструктивный заряд, стадии специального теоретического и методологического самоанализа. Подобного рода анализ становится продуктивным лишь в той мере, в которой обращается не только к собственному языку и построению, и не только к возникающим в них интеллектуальным образам и теоретическим абстракциям человека, но к их содержательной связи с миром человека в его объективных разграничениях и движении его регулярных зависимостей. Креативный деструктивизм, остановившийся на стадии моделирования виртуальных фикций и симулякров, пока не обнаруживает признаков нового конструктивного проекта. Скорее, он оставляет ощущение распада некоторой части теоретического сознания, выявляющего лишь, в лучшем случае, и по своему, своего рода «стремление к истокам», но не более чем в форме модифицированного литературно-философского дискурса. Более того, интеллектуальный мятеж, направленный, на переломе XX века, против по-разному толковавшихся устоев социологического «истеблишмента», к его исходу, парадоксальным образом, и под флагом эпистемологической и методологической свободы, эволюционировал в сторону ее особого рода регламентации. Относительное сокращение идейного пространства теоретической социологии, происходящее одновременного с разрастанием ее тематики, осуществляется посредством не только и не столько отказа от методов и концептуальных обобщений предшественников, сколько путем отсечения собственно теоретической проблематики классического периода. Общим идейным основанием этой тенденции выступает ссылка на завершение «эпохи модерна» как исторической и социокультурной реальности и, соответственно, на непродуктивность историко-социологических подходов, черпавших вдохновение и основания в ее исчезающих специфических структурах и конфликтах. Между тем, объектом теоретического интереса исследователей, относимых сегодня к числу основоположников и классиков социальной науки, при всех их различиях, была отнюдь не «современность» как таковая. В центре их внимания были совокупность и порядок системно-генетических связей и процессов социокультурной реальности, делавших ее возникновение и ее своеобразие возможными и необходимыми. Возникновение феномена индустриального капитализма означало для них возможность не отказа от исследования предшествовавших ему и сосуществовавших с ним обществ и их духовных устремлений, но, напротив, настоятельную необходимость обращения к их критическому анализу. Их целью было установление всех существенных значений «современности», немислимое вне постижения всех измерений совокупной организации социокультурной реальности, системообразующих оснований ее генезиса и изменения, их систематической регрессивной реконструкции и идеально-типической проекции. Как следствие, не прекращающиеся попытки идейно аннулировать эту проблематику по случаю наступления новой, приходящей на смену «модерну», фазы общественных изменений, обращаются, в лучшем случае, неким лишенным воображения парафразом избранных мест «великих теорий» вкупе с подспудным и некритическим признанием их теоретической, а следовательно и методологической, релевантности.

На пороге века грядущего размышления о путях выхода из, в целом, очевидного для большинства исследователей, хотя и толкуемого с различных позиций, теоретического кризиса социальных наук, стремление к установлению нормативного диалога различных течений общественно-теоретической мысли приводят многих из них к выводу о необходимости продолжения и интенсификации попыток широкого междисциплинарного синтеза в области теории социокультурных процессов. В одних случаях эти попытки предпринимаются с позиций некоего трансцендентального преодоления теоретических дихотомий, в других – на путях сближения логик различных историко-культурных, социологических, философских и антропологических подходов при уважении специфики и оснований каждого из них. Предпринима-

ются и попытки очертить перспективу совместного движения, ведущего к созданию, на новой основе, идейно консолидированной, умудренной неоднозначным опытом пройденного пути, предполагающей социологическое и историческое воображение и, вместе с тем, говоря словами Вебера, интеллектуально дисциплинированной историко-социальной науки, обладающей широким и точным видением культурных ценностей и структур. Разделяющие этот последний подход социологи и историки в той или иной мере солидаризируются с известной методологической установкой, в свое время удачно сформулированной Ч.Р.Миллсом, стремившимся обнаружить в социальной реальности и выразить средствами общественной науки параметры и способы взаимосвязи индивидуальной биографии, социальных структур и истории людей. Сам же он, по сути, отсылал своих возможных единомышленников к целому ряду фундаментальных представлений и методологических идей, возникших уже в рамках традиции, относимой сегодня к классическому периоду общей социологии второй половины XIX – начала XX веков.

Настоящая работа является одной из попыток внести посильный вклад в разработку складывающихся новых очертаний исторических социокультурных исследований. Ее основания заключаются не столько в вере автора в неисчерпанность классической традиции теоретической социологии и приверженности ее канонам, сколько в убеждении, что приращение научного знания возможно лишь на путях позитивного преодоления предложенных ею гипотез и решений. Попытки «освобождения» от «теоретического контроля» предшественников посредством игнорирования поставленных ими вопросов, делают еще более очевидным, что, в силу фундаментальности и нерешенности большей части из них, они по-прежнему составляют сердцевину проблематики теории социокультурной реальности. Широко распространенное в социологической литературе признание лишь исторических заслуг основателей современной социальной науки, как и попытки оспорить сам их исторически сложившийся статус, ритуальное воспроизводство выхолощенных комментаторами классических формул, или их априорное изъятие из обращения в равной мере затрудняют задачу критического освоения теоретического наследия, делая для многих само обращение к классической проблематике проблематичным. Между тем внимательное прочтение классических текстов дает возможность найти недостающие сегодня ключи к обнаружению объективных оснований движения и связей социокультурной реальности, в том числе, и прежде всего, переживаемой стадии ее многосложной эволюции, до сих пор ускользающих от исследователей в многообразном конгломерате описываемых ими конфигураций ее явлений и процессов. Отличие классической интеллектуальной традиции, помимо всего прочего, заключается не только в относительно высокой степени продуктивности специально сформулированной в ней, утвердившейся и получившей признание оригинальной парадигмы научного знания. В меньшей, если не в большей степени, оно состоит в многомерности и полифункциональности этой парадигмы, проявляющихся лишь по мере ее освоения и выявления ее способности теоретически адекватно выражать все новые, обнаруживаемые и творимые человеком, связи и измерения его мира.

Одной из таких, до сих пор до конца не оцененных, идей является широко использовавшаяся классической социологией конца XIX – начала XX вв. концепция *человеческой деятельности* как специфического феномена и особого природно-антропогенного процесса реальности, образующего основания организации ее социокультурного измерения и, собственно, его, это измерение, генерирующего. Анализ феномена человеческой деятельности, в том числе деятельности социокультурной, в отличие, например, от явлений и процессов описываемых в терминах *социального действия*, традиционно осуществляется в общественной науке преимущественно в русле социально-психологических или обладающих множеством оттенков философских подходов, а также в контексте широкого спектра системных исследований. Как правило, он производится в антропоцентрическом ракурсе и масштабе и заключается в типологии целей направленной жизненной активности человека, соотносимых с его потребностями,

свойствами и биосоциальными характеристиками. Наряду с этим исследуются проблематика, организация и технология историко-культурно обусловленных процессов группового целеполагания и целедостижения в их разного рода нормативных, предметных и ситуационных опосредованиях и значениях. В этих рамках явление человеческой деятельности объясняется и характеризуется в высшей степени широко и «пластично», в том числе и с включением проблематики и аргументации относимых к области традиционно понимаемой социологии. Деятельность, ее виды и организация описываются одновременно как способ существования человека, специфически соединяющий его внутренние и внешние детерминации, и как форма и процесс практического, в том числе духовного, освоения и преобразования человеком окружающего его мира, как конкретизация диалектики субъектно-объектных связей, активной стороной которых выступает действующий человек, и как по различным основаниям упорядоченное или спонтанное коллективное поведение, как в различной мере осмысленные и социально регламентируемые взаимно ориентированные субъективные действия людей и как взаимосвязь осуществляемых в различной предметной или ситуационной среде интеракций. В целом сложившаяся в *специальных* исследованиях феномена социальной деятельности традиция как правило не выходит за рамки рассмотрения ее процессов лишь в качестве в разной мере сложной функции структур личности, консолидированных по различным основаниям групп и обнимающих их обществ. Характерной чертой этого, преобладающего, подхода является то, что бесконечно варьируемое понятие человеческой деятельности, уже лишь этим обнаруживающее свой немалый эвристический потенциал и фундаментальные объективные основания, не обладает статусом особой категории ни в одной из широко использующих его общественных наук. Каждая из них лишь акцентирует тот или иной аспект этого универсального для них, как и для изучаемых ими реалий мира человека в целом, феномена.

Идейные основания складывающегося в общественной науке междисциплинарного подхода к построению теории деятельности, восходят именно к историко-социологическим концепциям, содержащимся в «великих теориях» и классических «нарративах» конца XIX – начала XX вв. Его отличие от многообразных вариантов ее философского осмысления, психологии или технологии социальной деятельности, либо исследования ее культурного и институционального ландшафта заключается в стремлении выделить и исследовать общие им и их конституирующие *системно-генетические* аспекты совместной деятельности людей. Поиск объективной меры их конкретизации существенно затрудняется отсутствием пока не сформулированного в науке общезначимого представления о природе процессов социальной деятельности, их возникновения и изменения, их специфической структуре, порядке их взаимных преобразований и превращений, а также их месте в структуре социокультурной реальности в целом, несводимых в конечном счете к многократно описанным антропо- и социоцентрическим схемам, деятельностно-структурным дихотомиям, или неопределенности слабо сообщаемых эмерджентных миров микро-, макро-, и мета-уровней. Анализ понимания феномена человеческой деятельности, содержащегося в классических трудах по общей социологии второй половины XIX – начала XX вв., а также методологического значения этого понимания для построения общей теории социокультурных процессов, дают возможность оценить как пути нового осмысления этой специальной проблематики, так и, в целом, перспективы выхода из вновь констатируемых на рубеже веков теоретических затруднений социальной науки. Вполне возможно, что этот выход будет найден не в формализованной интеграции, или унификации гетерогенных продуктов различных по своим масштабам идейных синтезов и методологических подходов, а в выделении объективно единой для изучающих социокультурную реальность дисциплин ее меры и системы координат. В частности, именно такой объективной мерой оказалась, для столь разных мыслителей, как К. Маркс и М. Вебер, и независимо от их намерений, совместившая их теоретические искания единая проблематика феномена и социально-исторического процесса человеческой деятельности. Их интеллектуальная связь

стала не только возможной, но необходимой в силу не столько имманентной творчеству М. Вебера идейной полемики с классическим марксизмом, сколько по основаниям более фундаментального порядка: собственно природы исследуемого ими объекта – исторической социокультурной реальности, человека в контексте, движении и совокупной связи его внутреннего и внешнего мира, а также соразмерности и адекватности методов, выработанных и примененных ими, в разных ракурсах, в процессе их постижения.

Данная работа имеет своей целью обратить внимание исследователей, всех читателей, интересующихся проблемами устройства мира человека, неочевидными основаниями его возникновения и изменения, на ряд изложенных в широко известных работах Маркса и Вебера, но до сих пор не получивших необходимого освещения идей и результатов. Их содержание обнаруживает несомненную ценность как для дальнейшей разработки общей теории социокультурных процессов, так и понимания и учета некоторых эпистемологических препятствий, встреченных ими и до сих пор встречающихся на этом пути. Предметом данной публикации является не столько, в ряде случаев необходимый, анализ собственно общих теоретических воззрений Маркса и Вебера на общество, историю и культуру, или их идей о человеке во всех их возможных измерениях и импликациях, сколько попытка исследования логики и проблематики построения их общей социологии с точки зрения их представлений о природе феномена человеческой деятельности и его значения как процесса конституирования мира человека и его социокультурного измерения.¹

---

¹ Творчество Маркса и Вебера в истекшие десятилетия стало предметом пристального внимания широкого круга отечественных и зарубежных исследователей, осуществивших всесторонний и глубокий анализ их наследия. Этот анализ послужил основой своего рода *ренессанса* социологии Маркса, а затем и Вебера, во второй половине XX века. Обзор этой обширной литературы, содержащей целый ряд ценных наблюдений и оригинальных теоретических идей, является темой отдельного специального исследования, в *основном* уже осуществленного в отечественной науке. Предлагаемая работа, посвященная рассмотрению одного из аспектов классической теоретической общественной науки, основывается, прежде всего, на самих широко известных классических текстах, и представляет собой попытку выделить ряд содержащихся в них, и недостаточно оцененных, теоретических и методологических положений, до сих пор не ставших предметом специального изучения в уже проведенных исследованиях.

1. Феномен деятельности в историко-социологической теории марксизма

Феномен человеческой деятельности является одним из самых важных эмпирических и концептуальных оснований теории общественно-исторического развития, сформулированной К. Марксом и Ф. Энгельсом. В своих историко-социологических исследованиях основатели марксизма исходили из констатации отношения и связи ряда фундаментальных явлений действительности и процессов человеческого существования не замеченных или недооцененных их предшественниками. Прежде всего, они обратили внимание на то, что необходимым условием собственно самого существования многообразных и изменчивых социальных образований, явлений и процессов культуры, интерпретируемых и, по разным основаниям, различаемых и связуемых теоретическим сознанием, является собственно непосредственная биологическая жизнь индивидуального человека. Новое звучание получило в марксизме и то обстоятельство, что социокультурно значимые непосредственные индивидуальное бытие и сознание возможны, в свою очередь, лишь во взаимодействии человека с явлениями внешней природы, и в этой связи и опосредовании – с другими людьми. По Марксу, мир человека, становящийся, в его определенности, движении, членениях и связях, предметом общественной науки, возникает и изменяется постольку, поскольку человеческие существа, развившиеся в вещественно-определенной среде, вместе и во взаимодействии с ней, производят и поддерживают свое существование посредством необходимо совместной деятельности. Способы деятельности определяются свойствами и потребностями индивидуумов, их телесной организацией, природными и антропогенными условиями их жизни, собственно самим процессом деятельности, а также характером и объемом средств жизни и деятельности, которые обнаруживаются и производятся человеком в ходе этого процесса. История, по Марксу, есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека и его индивидуальное развитие, необходимо принимающее общественные формы. В основе связи, необходимо объединяющей совместно действующих людей, лежат их реальные различия, а также обусловленный природными и обретаемыми в самой деятельности потребностями эгоистический материальный интерес, конечным основанием которого оказывается воспроизводство их непосредственного физического существования. Выделение человеческого существа из животного мира Маркс в первую очередь связывает со способностью человека, вытекающей из телесной организации, чувственно-предметной деятельности людей и развития их сознания, не только находить в природе, но и производить средства собственной жизни с помощью орудий. Отсюда процесс совместного производства и воспроизводства непосредственной жизни и материальных средств жизни, наследуемых, изменяемых и создаваемых каждым новым поколением людей, является для него неизменным исходным моментом и конечным основанием всей организации человеческой деятельности, общества и истории. Все иные исторически и функционально обособившиеся многообразные процессы деятельности являются генетически производными общественными продуктами и, не в воображении людей, а в реальности, в состоянии лишь в определенной степени видоизменять лежащие в основе поступательного социально-исторического движения процессы периодического взаимного преобразования средств и способов материального производства и обмена.

В этом контексте задачей общественной теории становилось, по Марксу, прежде всего исследование законов, условий и порядка исторических превращений способа производства и обмена материальных благ, а также установление исторически-конкретных форм образования и видоизменения эмпирически выделенной им функциональной зависимости структуры материальных экономических интересов с одной стороны, и генерируемой их движением соци-

ально-политической организации совместной деятельности людей, отражаемых, в свою очередь, в многообразных формах индивидуального и общественного сознания, с другой.

Многое в очерченном выше подходе, в частности стремление утвердить и познать человека и его существование как сущность, основу и средоточие всей человеческой деятельности, всех ее отношений, уяснить отношения людей в связи с их материальными потребностями и способами их удовлетворения, общее представление о мире как совокупности закономерных процессов поступательного развития, и ряд других идей, нашло выражение в трудах философов и экономистов, предшественников и современников Маркса. В своих работах он неоднократно ссылается на них, но предлагает, по собственному убеждению, более адекватные решения уже сформулированных общественной мыслью и поставленных практикой проблем. Совмещая в себе публициста, ученого и политика, Маркс полагал недостаточным лишь констатировать собственно наличие и функциональную связь определенного рода отношений, либо объективную необходимость определенных общественных порядков сменяющих друг друга и влекущих их изменение исторических эпох. Своей задачей он ставит выяснение того, каким образом возникают и изменяются эти отношения, стремится к обнаружению законов реального исторического движения их порождающего и их практически-гуманистическому использованию в соответствии с объективным ходом и смыслом истории, которые, по его представлениям, заключаются в стихийно-поступательном возрастании меры человеческой свободы в мире неуклонно-принудительной и не знающей исключений слепой необходимости природы.

В рамках основополагающего для совокупной деятельности людей процесса «производства материальной жизни» Маркс различает естественно-биологическую репродуктивную деятельность, производство непосредственной жизни посредством потребления ее ресурсов и производство средств жизни, или труд. Источником и движущей силой этих взаимосвязанных процессов для него являются определяемые природной организацией человека и условиями его существования, а также обретаемые им в процессе деятельности необходимые жизненные потребности. Трудовая деятельность, направленная на их удовлетворение, также носит для него изначально двоякий характер и совмещает две взаимодействующие стороны. Одну из них он определяет как естественную, как отношение человека к внешней природе, опосредуемое средствами производства, предметами, материалами и орудиями труда, производительными силами. Вторую – как область общественных отношений, отношений людей друг к другу, обусловленных и опосредуемых процессом необходимо совместного труда, распределением рабочей силы, употребляемыми в нем материалами, орудиями и машинами, средствами обмена. Сюда же он относит и вытекающие из процесса производства и обмена отношения по поводу присвоения индивидуально и коллективно производимых средств жизни, распределения, использования и потребления продуктов труда. Совокупность отношений, в которых производители находятся к природе и друг к другу и при которых они производят, и есть, по Марксу, *общество*, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Общественно-экономические отношения проявляют себя как интересы взаимодействующих индивидов и их сообществ. Взаимная связь и изменение относящихся сторон производства материальной жизни в изменяющихся условиях окружающего природно-антропогенного мира и обуславливает, по мере выявления их противоречий, движение способа материального производства, а вместе с тем обнаруживает себя в качестве *генетического источника совокупной деятельности и неизменного конечного основания общественного развития и исторического движения* в целом.

По мысли Маркса, рост народонаселения, сам по себе становящийся возможным лишь по мере обнаружения способности человеческого существа производить средства собственного существования, лежит, в свою очередь, в основе необходимого для его выживания роста производительности труда. Вместе с ростом производительности, а также миграций и внешних сношений в виде войны и обмена, увеличение населения влечет образование новых потребно-

стей. Последние, в свою очередь, и наряду с индивидуальными различиями людей и условий их жизни, диверсификацией предметов и возрастающей сложностью орудий труда, обуславливают все более глубокое разделение труда, относительное обособление различных функций и видов деятельности и соответствующих им, а также их внутренней дифференциации, групп материальных интересов. Эти стихийно развертывавшиеся взаимосвязанные процессы находят, по мнению Маркса, свое действительное выражение в разделении умственной, духовной и материально-практической деятельности, физического труда, возникновении института собственности и связанного с ним института государства, а также, и тем самым, в расширении частного обмена продуктами труда и его преобразовании в основной вид связи общественного труда. В своей совокупности и движении они обуславливают становление *нового порядка* совместной деятельности и общественных отношений людей. Общественная иерархия нового типа обнаруживает себя по мере разложения различных форм и стадий исторически первичных социальных связей, основанных на кровном родстве и поло-возрастных различиях, непосредственном совместном труде, общем владении его средствами и продуктами. Этот неравномерный, разнесенный во времени и пространстве процесс распада архаичных социальных образований сопровождается и осуществляется утверждением отношений авторитарного политического и экономического принуждения, социального господства и подчинения, выявлением не только естественных различий взаимно обусловленных и все более, в силу разделения труда, зависимых интересов, но их противоположности и непримиримого конфликта. Возникновение антагонизма различных групп интересов и институционализацию насилия, в целом обнаружение неспособности человека поставить под контроль и целесообразно упорядочить *общественные* условия своего существования, всю возникшую в этом контексте проблематику социального и индивидуального отчуждения Маркс связывает, в конечном счете, именно с имманентными противоречиями объективно необходимых процессов возникновения и стихийной эволюции разделения труда в условиях его относительно низкой производительности. В современном ему капиталистическом обществе Маркс обнаруживал тенденции, свидетельствовавшие об исторически преходящем характере стихийно-принудительного разделения общественного труда и определяемого им характера общественных связей, соответствующего ему института собственности и связанных с ними экономических и социальных конфликтов, исчерпанности сложившегося безлично-авторитарного типа экономической и, в целом, общественной организации. В нем же, в источниках и самой природе его кризисов, он видел и свидетельства становления условий *нового порядка* деятельности в форме добровольной ассоциации свободных индивидуумов сообща контролирующих условия и средства своего существования в целях максимально полного удовлетворения собственных разносторонних и возрастающих потребностей. Этот исторический переходный процесс Маркс также генетически связывал с поступательными превращениями и достигнутой степенью общественного разделения труда, ставшего одной из главных сил истории, фундаментальным фактором небывалого роста его производительности, которая, в свою очередь, заложила основания и создала условия его, этого перехода, реального осуществления.

Эту кризисную и всеобъемлющую *трансформацию порядка и характера совокупной человеческой деятельности*, исторический *переход* от несвободы стихийно-принудительного сосуществования к свободному совместному созиданию Маркс называл *коммунизмом*. Свое научное творчество он рассматривал в качестве теоретического выражения этого практического движения и выработки соответствующего его природе исследовательского метода, или, как он однажды заметил в самом начале своего творческого пути – в качестве своего рода проясняющей теоретическое сознание борющегося человечества саморефлексии, очистительной

и раскрывающей смысл его собственного существования исповеди рода человеческого самому себе, «не больше.»²

В действительности Маркс вышел далеко за пределы этого первоначального намерения. Можно предположить, что одним из немаловажных оснований его непосредственного обращения к попытке практического преобразования мира стало именно, впоследствии развитое им, определенное понимание феномена деятельности. В исследованиях Маркса деятельность рассматривается как реальное и закономерное явление мира человека, как порождаемый определенностью человека и его природно-антропогенной среды, необходимо совмещающий и взаимно опосредующий их, непосредственно иницируемый и осуществляемый человеком *объективный процесс*, конечным основанием и следствием которого является производство человеческой жизни и социальной организации, общества и культуры, *человеческого измерения природы*. Теоретически же представление о деятельности как *функции определенности мира и человека*, обнаружении и осуществлении их *необходимой связи*, ставило проблему природы и характера их соразмерности, порядка их связи и взаимных переходов, их возникновения и изменения, внешних границ и оснований внутреннего функционального членения процесса деятельности, природы и порядка зависимостей образуемых им и образующих его явлений.

Хотя исходной предпосылкой своей общей социологии и историографии Маркс объявил действующего человека в его реальных эмпирически устанавливаемых связях, тем не менее, его исследование необходимо предварялось рядом не всегда развернуто артикулируемых аксиоматических постулатов, определенным набором концептуальных идей. Основными в их ряду, наряду с материалистической диалектикой, положенной в основу историко-материалистического метода, оказывались философский монизм и эволюционно-генетический подход к общественным явлениям. Именно лежащие в русле этих концептуальных подходов идеи предопределили построение его историко-социологической теории и, особенно, исходное намерение последовательно «вывести» всю системную организацию человеческой деятельности из совокупности процессов поступательного естественно-исторического развития имманентных противоречий единого генетического источника. Этим конечным генетическим основанием деятельности, в рамках его исходной концепции, стала непосредственная чувственная жизнедеятельность человеческого существа в окружающем и определяющем его материальном мире.

«Действительность есть мир явлений», – как-то заметил Маркс. Буйство красок чувственного мира человека делало необходимым обнаружение верной исходной точки и ракурса их наблюдения и измерения. Свое исследование человеческой деятельности, то есть, в его понимании, того, как действующий человек практически «проявляет себя в независимых от его воли материальных условиях», Маркс сосредоточил на проблеме материальных интересов, порядка их генезиса и эволюции, их функциях и способах осуществления в общем контексте социокультурного развития. В них и в определяющих их потребностях, как конечной движущей силой деятельности, он полагал найти ключ к пониманию законов истории и общества – как в целом, так и во всем многообразии их своеобразных проявлений. Сосредоточенность именно на этой области социальных взаимодействий он объяснял неудовлетворительностью традиционного для его времени толкования явлений общественного сознания, социальных процессов и политических конфликтов либо непосредственно из них самих, либо, напротив, посредством полного отвлечения от деятельности и посюстороннего существования человека вообще. В этом контексте возникает, формулируется им и в дальнейшем неуклонно им проводится идея определяющей социально-исторической роли процессов «производства и воспроизводства действительной жизни» и, соответственно, и в конечном счете, производного характера общественных явлений и процессов непосредственно не включенных в область материального

---

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2, т.1,с.381.

производства, распределения и обмена. Идеальное для Маркса вторично и «есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.»³

Маркс отдавал себе полный отчет в том, что предполагаемое им, и, в указанном выше смысле, методически и содержательно дисциплинированное «теоретическое сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей», призванное занять место произвольно-эмпирических и отвлеченно-философских спекуляций, отнюдь не давало рецепта или схемы, под которые можно было бы подогнать исторические эпохи. Как он полагал, эти абстракции сами по себе могли пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность его слоев. Трудности, как констатировал Маркс, «только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала – относится ли он к минувшей эпохе или к современности, – когда принимаются за его действительное изображение».⁴

Между тем, положив в основу своего исследовательского подхода гипотезу о наличии единого универсального порядка образования и изменения всей совокупности зависимостей человеческой деятельности, имеющей своим конечным основанием и следствием одно из ее измерений, а именно чувственно-предметную практическую деятельность, и даже более того, по сути сведя конечные основания совокупной практики к процессу производства, обмена и потребления вещественно-определенных благ, Маркс, писавший о рабочем времени как «непосредственном наличном бытии человеческой деятельности как таковой»⁵, испытал немалые трудности именно принявшись за «действительное изображение материала».

Наибольшее теоретическое значение в этом контексте имело установление законов возникновения и изменения различных способов производства, генетической связи и меры соответствия определенных способов производства материальной жизни и форм общественной организации, а также характера связи способа производства и области индивидуального и общественного сознания.

«Формулировка вопроса, – заметил однажды Маркс, – есть его решение».⁶ Изначально заданная исследовательская ориентация и заключенные в ней основания абстрагирования – необходимо основного инструмента анализа общественно-экономических форм⁷, – диктовали необходимость обнаружения последовательно восходящих «слоев» структуры каждого данного человеческого сообщества, а также различных, для разных исторических условий, и, вместе с тем, генетически связанных между собой типов таких структур. Положенная Марксом в основание его исследования логика требовала выявления порядка образования этих структур из поступательно сменявших друг друга ступеней развития способа производства материальной жизни человека, определяемого, в свою очередь, движением производительных сил, обнаруживаемых и создаваемых человеком в процессе и по мере удовлетворения им собственных природных и обретаемых в ходе деятельности потребностей.

Отношения людей, определяемые характером предметов и средств производительной деятельности, составляют, по Марксу, первичный уровень социальной организации. В этих рамках производительные силы не только определяют производственные отношения, но и сами, в свою очередь, определяются, прежде всего определенным образом упорядочиваются ими. Более того, организация совместной деятельности людей в процессе материального производства их жизни, или гражданское общество, предпосылкой и основой которого Маркс, в свою очередь, считал различные формы семьи, сама по себе рассматривается им как

---

³ Там же, т.23,с.21.

⁴ Там же, т.3,с.26.

⁵ Там же, т.2,с.53.

⁶ Там же, т.1,с.384.

⁷ Там же, т.23,с.6.

особая и самая мощная производительная сила. Первичный уровень социальной организации, или *базис* общества, образующий всеобъемлющую структуру материальных связей в рамках данного человеческого сообщества на определенной ступени развития его производительных сил и в определенных условиях их применения, генерирует соответствующие ему и потребностям его воспроизводства производные уровни и порядки общественных и политических связей, а также соответствующую им и отражающую их совокупность явлений общественного и индивидуального сознания. Этот уровень, необходимо функционально опосредующий консолидированные по разным основаниям материальные интересы, Маркс именует *надстройкой*. Именно здесь обнаруживают себя общественные классы, в которые индивиды, ведущие сходный образ жизни, занимающие определенное, функционально однородное место в системе общественного производства, имеющие сходные интересы и образование и обычно находящиеся в состоянии конкуренции друг с другом, объединяются постольку, поскольку им приходится вступать в политическую и идейную борьбу с другими классами. Классовая борьба является для Маркса «рычагом» социальных переворотов, непосредственной движущей силой истории, но силой генетически производной и инструментальной. Она лишь отражает в выступающих на поверхности и доступных непосредственному наблюдению случайных коллизиях ее реальные, большей частью скрытые от ее участников и современников, а зачастую и скрывающиеся, подспудно и лишь с течением времени обнаруживающие себя закономерные основания, “... и притом так превратно, – замечал Энгельс, – что потребовались тысячелетия для того, чтобы нам стало ясно, в чем суть.»⁸

Общественно-историческое движение в целом предстает в изображении Маркса и Энгельса в виде процесса периодической волнообразной диахронной поступательной реорганизации стихийно складывающихся и исторически все более многообразных зависимостей каждого данного общества, а вслед за тем и все более обширной, сложной, становящейся все более взаимозависимой совокупности взаимодействующих обществ образующей, по мере своего развертывания, процесс всемирной истории. Своего рода перемещающимся в пространстве и времени эпицентром этих повторяющихся циклов последовательных социальных трансформаций выступают различные исторически-конкретные сообщества связанных процессом совместного производства своей материальной жизни людей. Конечным источником структурных возмущений оказываются поочередно сменяющие друг друга поколения орудий и технологий труда, с помощью которых действующий и созидающий их человек удовлетворяет свои естественно воспроизводящиеся и непрерывно обновляемые самой его деятельностью потребности посредством освоения и преобразования обитаемой им природно-антропогенной среды. По сути, этот процесс и возникающая, по мере его развертывания, равнодействующая перекрещивающихся тенденций всемирной истории, которую «можно... рассматривать как продукт одной силы»⁹, оказывается осуществлением некоей совокупной односторонней причинно-следственной связи. Ее основание относится к моменту обретения человеком способности производить средства собственного существования, и, тем самым, во все возрастающей степени контролировать его объективные природные условия. Следствием социального движения оказывается каждая данная исторически-конкретная стадия развития человеческой цивилизации, синхронно взятая в ее совокупных параметрах. Этот генетический поступательный процесс никогда не преодолевает относительно исчерпавшие себя способы экономической и общественной организации и соответствующие интересы окончательно. Они «лишь подчиняются побеждающим интересам, продолжая на протяжении веков влачить свое существование рядом с ними»¹⁰. Вместе с тем сам он осуществляется лишь посредством целого ряда переход-

---

⁸ Там же, т.37,с.417.

⁹ Там же, т.37,с.396.

¹⁰ Там же т.3,с.72—3, т.12,с.731.

ных, в конечном счете стихийных экономических, социальных, политических и идеологических процессов, опосредующих и модифицирующих инициируемые движением способа производства всеобъемлющие изменения. Отсюда Маркс выводит необходимость политических революций как завершающей фазы каждого очередного этапа экономической и социальной трансформации. Сюда же он относит скачки и зигзаги, многообразие форм и неоднородность коллизий идейно-политической борьбы различных исторических эпох, в которых люди предстают в одно и то же время как авторы, и как действующие лица их собственной драмы¹¹

---

¹¹ Там же, т.4,с.138.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.